

Фазиль Искандер

Англичанин с женой и ребенком

Часть сборника
Золото Вильгельма (сборник)

Фазиль Ис坎дер

Англичанин с женой и ребенком

«ЭКСМО»

Искандер Ф. А.

Англичанин с женой и ребенком / Ф. А. Искандер — «Эксмо»,

«... Я вышел на улицу, прошел до берега, завернул в сторону гостиницы и увидел их. Был яркий летний день. Англичанин с женой и ребенком стояли посреди улицы в центре небольшой, но почтительной группы. Я сразу узнал его, хотя до этого никогда не видел ни одного англичанина. Почему-то к нам они редко заезжают. Я его сразу узнал, хотя, в сущности, он даже не был похож на англичанина, вернее на того англичанина, облик которого я представлял себе по книгам и кинофильмам. Но, с другой стороны, не узнать его было невозможно, просто потому, что кто-то из них должен был быть англичанином, а так как всех остальных я знал (наши ребята), я так и решил: вот этот и есть англичанин...»

Содержание

Фазиль Искандер	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Фазиль Искандер

Англичанин с женой и ребенком

В кофейне я узнал, что к нам в город приехал англичанин. Мне сказали, что он сейчас на берегу моря возле гостиницы беседует с представителями местной интеллигенции и, если я поспешу, пожалуй, успею познакомиться с ним. До этого я никогда не был знаком с англичанами, даже не видел живого англичанина, поэтому охотно согласился. К тому же меня предупредили, что он профессор, крупнейший социолог левого толка и дружественно к нам настроен. Я допил кофе и пошел посмотреть на англичанина.

Я вышел на улицу, прошел до берега, завернув в сторону гостиницы и увидел их. Был яркий летний день. Англичанин с женой и ребенком стояли посреди улицы в центре небольшой, но почтительной группы.

Я сразу узнал его, хотя до этого никогда не видел ни одного англичанина. Почему-то к нам они редко заезжают. Я его сразу узнал, хотя, в сущности, он даже не был похож на англичанина, вернее на того англичанина, облик которого я представлял себе по книгам и кинофильмам.

Но, с другой стороны, не узнать его было невозможно, просто потому, что кто-то из них должен был быть англичанином, а так как всех остальных я знал (наши ребята), я так и решил: вот этот и есть англичанин. Если б вокруг него стояли не наши ребята, а какие-нибудь незнакомые люди, я бы скорее подумал на кого-нибудь из них, до того он был не похож на англичанина.

Это был крепыш небольшого роста с круглой золотистой головой и мужественным профилем скандинавского викинга или в крайнем случае эллинского воина. Такую голову почему-то хотелось представить в шлеме, мне даже показалось, что я ее уже где-то видел в тяжелом рыцарском шлеме.

Сначала я немного огорчился, что англичанин оказался недостаточно типичным, тем более что и жена его, хотя и красивая женщина, никак не походила на англичанку. Скорее она была похожа на египтянку. Она была похожа на красивую египтянку, но сравнивать ее с Нефертити было бы натяжкой, тем застольным преувеличением, к которому так склонны мои любимые земляки.

Кстати, потом выяснилось, что она и в самом деле египтянка. Из чего, конечно, не следует, что англичанин тоже оказался скандинавом или тем более греком. Англичанин оказался настоящим англичанином, хотя внешность его меня сначала несколько разочаровала.

Я думаю, что, кроме книжного представления, тут еще сыграло роль то, что мне сказали о нем, – профессор, крупнейший социолог левого толка. А тут тебе такой крепыш, в рубашке навыпуск, в босоножках на голую ногу, с мощной шеей, как бы переразвитой от долгого ношения тяжелого рыцарского шлема. Нет, наши профессора выглядят куда солидней.

Когда я подходил к ним, экскурсовод что-то рассказывал. Англичанин внимательно слушал, время от времени делая какие-то записи в своем блокноте.

Экскурсовод наш местный парень. Зовут его Анзор. Я его знаю с детства. Когда я вспоминаю, каким он был вратарем сначала в юношеской, а потом во взрослой команде, мне почему-то делается грустно.

Казалось бы, он неплохо в жизни устроен, а стоит мне вспомнить, каким он был замечательным вратарем, как у меня портится настроение.

Однажды он взял такой невероятный мяч, что об этом у нас помнили несколько лет.

Тогда он играл в юношеской команде. Вот как это было. Из свалки на штрафной площадке кто-то сильно пробил в правый нижний угол. Анзор в прыжке отбил мяч. И еще он лежал на земле, когда один из защитников противника с разгону врезал мяч в тот же, но теперь верхний угол.

Казалось, неминуемый гол. Но Анзор, словно подброшенный, отделился от земли. Я до сих пор отчетливо помню его скошенное к правому углу, как бы висящее в воздухе тело. Помню то замечательное мгновенье, когда он усилием воли, уже исчерпав инерцию прыжка, все же дотянулся до мяча. Так, бывало, в детстве дотягиваешься до самого верхнего яблока, рискуя обломать трепещущую ветку и обрушиться вместе с нею вниз.

Именно тогда знаменитый тренер местной команды «Динамо», проходя вдоль поля, вдруг остановился и сказал своему помощнику:

– Мальчика надо попробовать...

Через пять минут о его словах уже знал весь стадион и даже сам Анзор. И вот теперь, когда я вспоминаю все это, у меня почему-то портится настроение. Может быть, дело в том, что сейчас Анзор похож на вратаря, который уже взял свой лучший мяч. Сам-то он наверняка об этом не догадывается, но со стороны видно...

Обычно он возится с нашими туристами, но иногда ему поручают иностранцев. Однажды, когда он показывал обезьяний питомник одной иностранной делегации, кто-то из туристов спросил, кивнув на вольер с одиноким орангутангом:

– Как зовут эту обезьянку?

Анзор мгновенно повернулся к орангутангу и спросил:

– Обезьяна, как тебя зовут?

Члены делегации оценили юмор экскурсовода, хотя задавший вопрос почему-то обиделся. Эта бесактная шутка, если ее можно назвать бесактной, никак не повлияла на его карьеру экскурсовода, и он продолжал заниматься с туристами.

Кажется, кроме этого внезапного юмора, от него когда-то знаменитой взрывной реакции на мяч ничего не осталось. Анзор живет один с больной матерью, так что надолго отлучаться или выезжать из города он никак не может. Потому-то даже в местной команде он по-настоящему не мог играть. Вечно он ищет какие-то редкие лекарства для своей больной матери. Иногда ему присыпают их из Москвы туристы, с которыми ему случалось подружиться.

В прошлом году ему здорово не повезло, так что он имел шанс лишиться даже своего внезапного юмора. Дело в том, что его обвинили в изнасиловании.

Недалеко от города, возле развалин крепости Баграта, какие-то два негодяя соблазнили двух девушек из турбазы. Говорят, они им угрожали, одновременно давая ложные обещания жениться. Во всяком случае, девушки пожаловались в милицию. Через несколько дней Анзора схватили, потому что одна из них указала на него. Возможно, он был похож на одного из тех парней. Но, с другой стороны, для многих россиянок все кавказцы похожи друг на друга, как китайцы, точно так же, как для китайцев, вероятно, все россияне похожи друг на друга.

Я думаю, что девушка сначала и в самом деле решила, что он один из тех парней. Но потом на очной ставке не могла не сообразить, что ошиблась, если, конечно, она не абсолютная кретинка, что тоже не исключается. Все же, скорее всего, она догадалась о своей ошибке, но, испугавшись собственного обвинения, продолжала стоять на своем.

Тогда, помнится, всполошился весь город. Все понимали, что Анзор никак не мог оказаться таким подлецом, к тому же настолько непоследовательным, чтобы днем показывать туристкам достопримечательности города, а ночью насиливать их на тех же исторических развалинах, таким образом сводя на нет не только свои дневные труды, но и бросая тень на патриотический смысл памятников старины.

Наши ребята тогда сделали все, что могли. Они оградили мать Анзора от слухов о его аресте. Ей сказали, что он внезапно уехал с одной очень важной делегацией, которую не могли поручить никому другому. Старушка охотно поверила, тем более что ребята помогали ей по дому, ходили на базар, а главное, оберегали ее от горестной правды.

Закон, как и следует, стоит на стороне пострадавших, так что даже общественное мнение не могло Анзору помочь. Он был до того потрясен случившимся – я думаю, больше всего он

терзался мыслью о судьбе матери, – что ничего не мог придумать в свое оправдание, а только твердил, что все это ошибка и он ни в чем не виноват.

И тут опять пришли на помощь друзья. Оказалось, что именно в тот роковой вечер он сидел на теплоходе с друзьями и пил пиво. У наших ребят есть такой обычай заходить на теплоходы, пока они стоят на пристани, с тем чтобы посидеть там в ресторане, пройтись по палубам, постоять у поручней, глядя на пристань и на город с некоторым выражением транзитного превосходства, а потом сойти по трапу и разойтись по домам.

Это как-то встряхивает, облагораживает душу, не дает закиснуть в однообразии (что скрывать!) провинциальной жизни нашего города. Окунувшись в этот плавучий праздник, ты как бы возбуждаешь увядающие рефлексы жизнестойкости и жизнерадостности, черт бы их подрал.

Короче говоря, товарищи Анзора и он сам, после того как ему напомнили, твердо заявили, что они в тот вечер были на теплоходе. Казалось бы, все прекрасно, стоит подтвердить кому-нибудь из работников ресторана, что они там были, как обвинение отпадет.

Но тут последовал новый удар – оказывается, именно этот теплоход снят с рейсов и поставлен в Одессе на ремонт. Прокуратура заподозрила некий стовор, желание при помощи лжесвидетельства спасти своего товарища. Но друзья Анзора опять не растерялись. Кто-то из них неожиданно вспомнил, что, уходя из ресторана в некотором подпитии, они оставили в книге жалоб благодарность за хорошее обслуживание и при этом все расписались.

Прокуратура связалась с пароходством, и примерно дней через десять оттуда пришла эта самая книга жалоб или фотокопия их благодарности.

Анзора, конечно, освободили. С тех пор он каждую субботу, теперь уже регулярно, ходит на теплоходы, почему-то моется там в душе, а потом пьет в баре пиво и рассказывает историю своего спасения, если в баре находится хоть один слушатель. А в баре всегда полным-полно хороших слушателей, потому что хороший слушатель сам надеется рассказать что-нибудь свое.

И вот он, Анзор, долговязый, худой, как я думаю, от излишней нервности, стоит перед англичанами и что-то рассказывает. Чтобы не прерывать его, я остановился на тротуаре в некоторой ненавязчивой близости, но достаточно заметно, чтобы в нужный момент присоединиться к нему.

Только я остановился, как Анзор повернулся в мою сторону и уже было раскрыл рот, чтобы перейти к новому объекту, он даже успел сказать:

– А это...

Возможно, он хотел сказать: «А это Черное море», – потому что других объектов здесь не было. Разве что ресторан на сваях, устремленный в море с целью возбуждать в клиентах романтический азарт, желание посоперничать широтой натуры с широко распахнутым морским кругозором и, в конце концов, довести их до состояния джентльменской раскованности в обращении с собственными бумажками.

Во всяком случае, Анзор сказал:

– А это... – и тут, увидев меня, на самое молниеносное мгновенье запнулся и договорил, не меняя голоса: – Типичный абориген...

Наши ребята – кстати, такие же аборигены – посмотрели на меня с тупым любопытством, словно теперь-то им и раскрылся истинный смысл моей персоны. Из какой-то непонятной угодливости я замер в позе этнографического чучела.

Англичанин взглянул на меня, потом взялся было за блокнот, потом, видимо, почувствовав, что здесь что-то не то, приподнял свои выгоревшие брови и что-то спросил у жены.

Жена его сверкнула улыбкой в мою сторону и что-то ответила мужу. Англичанин захотел. Продолжая смеяться, он сунул блокнот в карман и так хлопнул Анзора по плечу, что тот слегка осел. Сила удара выражала степень восхищения.

Я подошел, и мы познакомились. Через минуту Анзор продолжал свой исторический экскурс, а англичанин взялся за блокнот. Было видно, что жена его довольно хорошо знает русский язык, да и он ориентируется, только иногда просит у нее кое-что уточнить.

Анзор рассказывал о затонувшей в бухте части нашего города. У нас любят рассказывать про затонувшую – кажется, в начале нашей эры – часть города. При этом получается так, что, хотя наш город и в самом деле красив, все же красивейшая часть его находится под водой.

Говорят, иногда в очень тихую погоду рыбаки видят на дне бухты развалины древних строений.

Кстати, я лично, хотя у меня и есть лодка, никогда ничего подобного не видел. Правда, иногда и меня подмывает рассказать, что я видел затонувшую часть города, но пока я сдерживаюсь. Насколько я знаю, и рыбакам никогда не приходит в голову смотреть на затонувшую часть города.

Просто это стало легендой, хорошей, облагораживающей традицией говорить про затонувшую часть города. И, насколько я помню, все гости, которым при мне рассказывали о ней, слушали солидно, с оттенком некоторой исторической скорби, впрочем, смягченной временем.

И, насколько я помню, никому не приходило в голову усомниться в ее существовании или тем более просить, чтобы ее показали. Это было бы даже несколько неприлично. Но только не для англичанина. Вот чего мы не учли. Вернее, не учел Анзор. Во всяком случае, англичанин не только не проявил приличествующую моменту скорбь, но, наоборот, его голубые глаза полыхнули, и он энергично толкнул себя в грудь:

– Наблюдай город!

– Это возможно только в хорошую погоду, – сказал Анзор отчетливо, стараясь выставить перед его сознанием барьер, впрочем, стихийного происхождения.

– Теперь, теперь! – заревел англичанин, не то чтобы перешагивая барьер, а просто-напросто сметая его.

– Но у нас нет лодки, – растерялся Анзор.

– Мой нанимайт! – твердо сказал англичанин.

– У меня есть лодка, – вставился я зачем-то.

– О! – воскликнул англичанин и хлопнул меня по плечу.

– Все равно ничего не увидите, – попытался возразить Анзор, – вода мутная!

– Я имейт акваланг! – радостно взорвался англичанин, кивком головы показывая, что ответственность за состояние воды берет на себя.

– Но это опасно, – обратился Анзор к жене англичанина, – подождите, я позвоню на водную станцию, и нам дадут специалиста.

– Но, но! – закричал англичанин. – Я есть специалист: Красный море, Адриатик, Бискай!

Жена его улыбкой подтвердила, что не боится за него. Потом она взглянула на мальчика и что-то быстро сказала. Англичанин огляделся и подошел к ларьку.

– Ребенку надо поесть, – объяснила англичанка.

Через минуту англичанин возвратился с пачкой печенья и бутылкой лимонада. Спартанская непримятательность такого завтрака меня приятно удивила. Я подумал, что жена нашего профессора при подобных обстоятельствах навряд ли ограничилась бы таким завтраком для своего ребенка, даже учитывая, что это второй завтрак и притом в чужой стране.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.